

УДК 1(091)+141.45
doi: 10.15421/1717103

Ч. С. Пирс и перспективы философской антропологии. Набросок методологической пропедевтики

В. И. Пронякин

Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара, Днепр, Украина

Установлено, что специфика обнаружения и истолкования метафизической и антропологической компонент прагматизма требует применения методологии, позволяющей реконструировать полисемантические и символические предметно-содержательные мыслительные артефакты. В ходе решения задачи историко-философской реконструкции антропологических воззрений Ч. С. Пирса в их коррелятивном сопряжении со специфическими особенностями пирсовой метафизики, при прочих условиях важную роль играют фундаментальные принципы историко-философского познания, разработанные в классической традиции. Также раскрыто методологическое значение неклассической философии XX века в определении порядка семиотических и концептуальных корреляций, опосредствующих системное взаимодействие метафизики и антропологии в смысловом составе философии Ч. С. Пирса. Обращено внимание на то обстоятельство, что учет современных методологических достижений в отечественной философии открывает возможность для более последовательного, логически выверенного, достоверного в очевидности результатов, эксплицирования метафизического и антропологического содержания из когнитивных и эмпирических составляющих философии Ч. С. Пирса.

Ключевые слова: прагматизм; трансцендентализм; методология; рефлексия; семиотика; дискурс

Ch. S. Peirce and perspective of the philosophical anthropology. Essay on the methodological propaedeutic

V. I. Pronyakin

Oles Gonchar Dnipro National University, Dnipro, Ukraine

The philosophy of Ch. S. Peirce is considered to be the basis for building the future of the philosophical anthropology. It has been stated that the conception of Peirce is a poly-semantic and symbolic composition. Therefore, the detection and interpretation of the anthropological component of pragmatism requires appropriate methodology. Some methodological approaches to the historical philosophical reconstruction of anthropological views of Peirce have been presented in the study. First of all, the fundamental principles of the historical philosophical cognition, developed by the classical tradition, have been pointed out. The method of interpretative explication has been selected among these principles; through this method it turns out that the conception of Peirce has semiotic correlation with the pragmatic logic, epistemology, ontology and axiology. The methods of non-classical philosophy of the 20th century have been described using a rich arsenal of complex interpretive resources. Among them are: phenomenological hermeneutics (E. Husserl, P. Ricoeur), philosophical hermeneutics (H.-G. Gadamer), a semiotic method for reconstruction (K.-O. Apel), structuralist method of resolving of being and thinking's binary oppositions (C. Levi-Strauss). The result shows how, thanks to Peirce, the Western philosophy has transformed from the classical «non-subjective» metaphysics and transcendental logic to the communicative anthropology and transcendental pragmatics. In the context of the researched problem, the achievements of Ukrainian authors have been described. In particular, the concept of the usable anthropological approach, actively developed in the 60-80 years of the 20th century, has been shown. Currently, theories of the non-Euclidean (nonlinear) reflexivity play an important role in the Ukrainian philosophy. The application of the described approaches gives the possibility of deeper, fuller and more complete reveal of pragmatic conception of man being. The final conclusion of the study is as follows: philosophy of Ch. S. Peirce is clear, strongly held anti-reductionism and anti-substantialism; consequently, as a doctrine it has rich opportunities for the promotion in the anthropological perspective.

Keywords: pragmatism; transcendentalism; methodology; reflection; semiotics; discourse

---

Цитування даної статті: Пронякин В. И. Ч. С. Пирс и перспективы философской антропологии. Набросок методологической пропедевтики / В. И. Пронякин // Науково-теоретичний альманах «Грані». – 2017. – Т. 20. – № 7(147). – С. 115-123. doi: 10.15421/1717103

Citation of this article: Pronyakin, V. I., 2017. Ch. S. Pirs i perspektivyi filosofskoy antropologii. Nabrosok metodologicheskoy propedeutiki [Ch. S. Peirce and perspective of the philosophical anthropology. Essay on the methodological propaedeutic]. Scientific and theoretical almanac «Grani» 20; 7(147), 115-123. doi: 10.15421/1717103 (in Russian).

Received: 16.06.2017

Accepted: 14.07.2017

Ч. С. Пірс і перспективи філософської антропології. Нарис методологічної пропедевтики

В. І. Пронякін

Дніпровський національний університет ім. Олеса Гончара, Дніпро, Україна

Встановлено, що специфіка виявлення і витлумачення метафізичної та антропологічної компонент прагматизму вимагає застосування методології, що дозволяє реконструювати полісемантичні та символічні предметно-змістовні артефакти мислення. В ході вирішення завдання історико-філософської реконструкції антропологічних поглядів Ч. С. Пірса у їх корелятивному сполученні із специфічними особливостями пірсової метафізики важливу роль відіграють фундаментальні принципи історико-філософського пізнання, що були розроблені у класичній традиції. Також розкрито методологічне значення неklasичної філософії ХХ століття у визначенні порядку семиотичних і концептуальних кореляцій, що ними опосередковується системна взаємодія метафізики і антропології у смислового складі філософії Ч. С. Пірса. Звернено увагу на ту обставину, що врахування сучасних методологічних здобутків у вітчизняній філософії відкриває можливість для більш послідовного, логічно доведеного, достовірно-го в очевидності результатів, виведення метафізичного і антропологічного змісту із когнітивних та емпіричних складових філософії Ч. С. Пірса.

Ключові слова: прагматизм; трансценденталізм; методологія; рефлексія; семиотика; дискурс

Постановка проблеми. Одной из доминантных черт современной философии является ее отчетливо выраженная антропологическая ориентация. От конца XIX и на протяжении всего XX века эволюционная поступь антропологически настроенной мысли сопровождалась всплесками доктринальных артикуляций, многие из которых составили вполне самодостаточные, концептуально завершенные артефакты духовной онтологии; парадигмальный статус подобного рода артикуляций естественен и очевиден.

И действительно, в своем процессуальном измерении современный антропологический дискурс воплотился в диковинной череде метафизических инверсий и метаморфизаций. Возникли и самоутверждались – как в порядке «друг за другом», так и в «режиме» календарной и ментальной «одновременности» – влиятельные, культурно-исторически значимые персоналии, философские школы, учения, течения... Экзистенциально «нагруженный» символизм ницшеанства и российского метафизического ренессанса (т. наз. «Серебряный век»); проникновенный мировоззренческо-методологический синтез знания и понимания в Баденской школе неокантианства; семиотически конституированная антропология прагматизма; проникнутые идеей вселенского гуманизма религиозная антропология М. Шелера и эволюционизм П. Тейяра де Шардена; «человековедческий» универсализм интегративных интенций многочисленных школ психоанализа, феноменологии, философской герменевтики; напряженная сосредоточенность смысловых исканий всех без исключения разновидностей экзистенциальной мысли... Парадигмальная означенность последних десятилетий века минувшего и первых лет наступившего века, проходящего стадию поисков метафизической самоидентификации, была представлена мировоззренчески и методологически знаковой альтернативой между постструктурализмом и коммуникативизмом. И мировоззренчески, и методологически первый базировался на ради-

кальном преодолении традиции, в т. ч. и антропологической, второй – на бережном отношении к традиции с учетом характера трансформаций ее смыслодержущего состава и основополагающих установок. Теперь, когда философским самосознанием давно уже пройден пресловутый «рубеж» столетий, встает судьбоносный (для настоящего и будущего философии) вопрос: когда следует ожидать возникновения какой-либо концепции (или «хотя бы» идеи) антропологической направленности, «равноценной» (по своей культурно-исторической значимости) предшествующим? И на каком фундаменте возможно построение такого рода концепции?

Пока философская мысль пребывает в «режиме ожидания», перспективы антропологии будущего приходится отыскивать в «метафизическом опыте» коммуникативизма, творчески преобразовавшего наследие средствами его всесторонней семиотической метаморфизации. Известно, что, начиная с периода, когда сформировалась рефлексия философской антропологии (ее можно, по ряду оснований, начинать от Канта), в европейской философии рефлексивность (метафизическое основание дискурса) обрела трансцендентально-антропологический статус. Пройдя ряд семиотических трансформаций, рефлексивность актуализировалась в статусном модусе трансцендентальной прагматики, получившей всестороннюю разработку именно в коммуникативной философии.

Коль скоро свою доминантную статусность рефлексия философского антропологизма обрела в результате инверсий ее семиотического состава, есть все основания предполагать, что конститутивные возможности философии будущего зависят от креативного потенциала «накопленных» интерпретативных ресурсов. Попробуем оценить этот потенциал, отправляясь «от достигнутого».

В свете поставленной задачи представляется перспективным рассмотреть философию прагматизма, и в первую очередь – антропологический «срез» философии Чарльза Сандерса Пирса [13],

так как именно его доктрина образует «срединную» (то есть – «бифуркационную») фазу парадигмальных метаморфизаций, ознаменовавших продвижение западного мышления по пути «от Канта» к Апелью и Хабермасу [см.: 1].

Предлагаемый материал представляет собой проективный набросок к выборочно заданному перечню методологических средств (принципов, методов, дескриптивных приемов и т. п.), с помощью которых креативный потенциал антропологии Ч. С. Пирса откроется в возможные антропологически ориентированные интерпретативные перспективы.

Изложение основного материала. Теоретико-методологическую основу всякого историко-философского исследования представляют, в первую очередь, фундаментальные принципы, разработанные и отшлифованные в классической традиции. В истоках традиции заложены методологические приемы истолкования текстов, использовавшиеся христианскими экзегетами Александрийской школы, интерпретативно-дискурсивные практики философски ориентированной теологии (Аврелий Августин, Ансельм, Аквинат, П. Абеляр); применение указанных приемов и практик способствует интерпретативной экспликации латентного, неявно заданного семиотического состава исследуемых текстов; интенциональная ориентация мышления, мотивированная целями подобного рода экспликаций, не утратила своей методологической значимости и сейчас. Прдемонстрируем некоторые из этих приемов.

Современные наработки в области истории христианской религиозно-метафизической философии (главным образом – латинского средневековья) открывают методологическую перспективу, в свете которой выявляются возможности конститутивных метаморфизаций объективистских онтологий в концептуальные построения трансценденталистского толка¹. Исследователи рассматривают природу и сущность метафизики на путях установления ее «значимых форм», явленных в истории философии, разделяя эти формы на те, что укоренены в «архитектонической склонности» тех или иных метафизиков, и на такие, где исследование метафизических истин не подчиняется жестко «идее системы», а связано с определенным тематическим интересом [см.: 5]. В частности, немецкий философ В. Крампф выделяет: тему сокрытого единства бытия; тему «душевного бытия»; тему бытия и становления; тему отношения между индивидуальным и общим. Работа над конкретными метафизическими темами способствует формированию последовательного систематического мышления [12]. В процессе систематизации (по сути – рационализации) мышления и осуществляется «очищение» метафизических ментальных актуализаций от интенционально-интуитивных, непроясненных, логически

невыверенных интеллектуальных имплицитивов.

Некоторые исследователи рассматривают эволюционные аспекты европейской метафизики в контексте парадигмальных мыслительных инверсий. Так, Л. Хоннефельдер считает, что средневековая метафизика обоснована «вторично» – после Аристотеля [11, S. 165-166]. Философы латинского Запада, указывает Хоннефельдер, проявили, в отношении Аристотеля, «относительную самостоятельность» и переосмыслили классическое античное понятие метафизики. Тем более их не удовлетворяла позднеантичная трактовка метафизики, распространившаяся благодаря комментаторам Аристотеля из школы Аммония – через Аверроэса. В соответствии с этой трактовкой метафизика является «первой философией» в связи с тем, что ее предмет – божественное сущее – первичен как причина, предшествующая материи и движению, как источник трансцендентного. В противоположность этому латинские авторы интерпретируют метафизику как учение о сущем как таковом, рассматривая божественное сущее в качестве одного из аспектов предмета метафизики [11, S. 167].

Хоннефельдер напоминает, что в качестве «науки о сущем как таковом» (в противоположность теологии) метафизика получает системное оформление в философии Аквината. Вместе с тем, не все мыслители приняли томистское понимание природы метафизики. Для того, чтобы истолкование метафизики удовлетворяло бы одновременно требованиям Аристотеля и установкам теологии, под метафизикой должна подразумеваться онтология, осуществляющаяся как трансцендентальная наука [11, S. 167].

Опираясь на приемы интерпретативной экспликации, считаю, возможно показать, что метафизика Пирса представляет собой сублимированный семиотический коррелят прагматической логики, эпистемологии, онтологии и аксиологии.

Далее следует указать на принцип единства логического и исторического – один из наиболее успешных, эвристически плодотворных методологических инструментов, используемых в ходе историко-философских исследований. Этот принцип, доставшийся нам в наследие от немецкого классического идеализма, часто применяем и описан в многочисленных публикациях украинских и зарубежных авторов, посвященных историко-философской проблематике. Можно было бы представить и порядок его использования, равным образом, как и характер и степень эффективности научно-теоретических результатов, которых возможно достичь с его помощью. Отмечу, в частности, что означенный метод применим в целях решения задач темпоральной и концептуальной компаративистики, выявления особенностей эволюционных преобразований, осуществленных прагматической философией, и в особенности –

философией Ч. С. Пирса, – в процессе перехода ряда течений западной философии XX в. от классической «бессубъектной» метафизики и трансцендентальной логики к коммуникативной антропологии и трансцендентальной прагматике.

Обращаясь снова к наследию, подчеркну, что специфика обнаружения и истолкования метафизической и антропологической компонент такого философского феномена, как прагматизм, требует применения методологии, позволяющей реконструировать полисемантические и символические предметно-содержательные мыслительные артефакты. Философия Пирса являет собой ярчайший пример философского образования подобного рода; она содержит концептуальные включения формальной и трансцендентальной логики, имплицитивы эмпирического и метафизического опыта, семиотические производные антропологической рефлексии «жизненного мира», наконец, элементы смыслового состава философии, несущие спекулятивно-символическую нагрузку (метафизика «Агапе»). В целях аутентичной реконструкции философии Пирса, представленной в указанном качестве, перспективными выглядят принципы герменевтики йенской романтической школы, в соответствии с которыми семантико-прагматическое отношение предмета исследования (текста) и исследователя (в данном случае – историка философии) представляет собой диалогически обустроенное пространство интерпретации. В результате, реконструируя культурно-рефлексивную «метафизику текста» пирсовской антропологии, возможно показать, что ее содержание представляет собой своеобразную знаковую амплификацию духовно-онтологических реалий, образующих несущий культурно-антропологический каркас человеческого бытия, когда ампликативная «работа» рефлексии осуществляется средствами логико-семиотических экспликаций структур бытия в структуры мышления, т. е. реализуется в форме дискурса. Посредством применения этой «классической» (в рамках герменевтической традиции) методологии открываются подступы к раскрытию антропологического измерения категориального строя метафизики и логики в прагматизме Пирса, а также к обнаружению сущности семантико-прагматического «поворота» в трансцендентализме Пирса от логики к коммуникативной антропологии.

Особое внимание следует уделить «методологическому опыту» неклассической философии XX века, накопившей богатый арсенал комплексных интерпретативных средств. В их числе: приемы семиотической реконструкции текстов, использованные феноменологической герменевтикой (Э. Гуссерль, П. Рикер), философской герменевтикой (Х.-Г. Гадамер). В частности, можно вспомнить, что, например, у Э. Гуссерля одним из реконструктивных ориентиров служит герменевтическая он-

тологии смысла; в ней открываются метафизические перспективы аутентичной рефлексивной «модели» действительного тождества бытия и мышления. Такая онтология отличается некоторыми уникальными свойствами. Во-первых, в ней преодолевается инореальность феноменального: в ее предмете даны не явления, а сущности. Во-вторых, события и факторы предмета образуют иерархическую структурную целостность, в которой отсутствуют событийные анахронизмы, немотивированные смысловые инверсии, какие-либо иные несоотнесенности. Такая онтология, в-третьих, семиотически упорядочена: она раскрывается в понимании (в герменевтическом горизонте), она корректна как семантика («события» и «факторы») выражены в адекватных знаках, что исключает возможность возникновения ошибочных толкований, она синтаксически (логически) непротиворечива. Наконец, здесь открывается перспектива сознательного использования данных метафизического опыта – опыта целого, в котором снято традиционное для эпистемологических типов философии расхождение между данными опыта «внешнего» и опыта «внутреннего».

Иерархической выглядит и структура предмета такой онтологии. В ней органично сопрягаются основные уровни бытия: телесный (вещественный), исторический (выраженный в смене событий и качеств), конституитивный (творческий, субъективный), социальный (интерсубъективный, осуществляющийся как со-бытие). Субстанциально-деятельную, мотивационную («двигательную») и организующую функцию выполняет здесь трансцендентальная субъективность – в ней обретает полноту, завершенность иерархия бытия, она является действенным субъектом метафизического опыта. Именно трансцендентальность, как характерное свойство субъективности, гарантирует ей (субъективности) свободу смылосозидания, т. е. «санкционирует» легитимность интерпретативного приоритета прагматики в дискурсивных практиках семиотических реконструкций.

Представляется, что использование гуссерлевой методологии позволит осветить структурно-функциональную значимость дискурсивных практик трансцендентальной прагматики в интерактивном поле коммуникативного действия.

Относительно методологии Гадамера следует сказать, что ее теоретическая значимость заключается в фундировании особого рода рефлексии: герменевтической рефлексии культуры; такая рефлексия, используя дополненность традиционных, логико-дискурсивных и неклассических, семиологических познавательных средств, допускает построение онтологий, в которых «бы-тийная» гетерогенность цивилизационного и культурного «снимается» в составе смыслового (социо-культурного) изоморфизма. Становится возможным, в частности, найти эквивалентное знаковое (семио-

тическое) выражение некоторым важнейшим параметрам социальной топологии или иначе: выстроить эквивалентную формулу репрезентативности институционализированных («социально-вещественных») параметров современной исторической реальности в терминах языковых, лингвистических.

К числу таких параметров следует отнести элементы семиотической топологии; в семиотическом (культурологическом) ракурсе видения предмет предстает как символический контекст, образующий полисемантическую, мно-госмысловую структуру – семиотическая топология замещает топологию социальную. Важно иметь в виду, что иерархия топологических координат зависит от выбора интенционального ракурса, т. е. не фиксируется жестко однозначно и содержит возможность разнообразных инверсий.

Семиотическая реконструкция философии Пирса средствами герменевтики Гадамера позволит, возможно, подтвердить уже общепризнанный вывод о том, что традиционную оценку прагматизма как редуционистской мировоззренческой доктрины нельзя принимать как исчерпывающую; напротив, категориальный строй метафизики и логики в прагматизме Пирса, содержащий антропологические импликации, в сущностном плане исключает редуционистские и, равным образом, объективистские и субстанциалистские черты.

К сказанному добавлю, что в специфицированной форме и «адресной» направленности (а именно: непосредственно в отношении философии Пирса) дискурсивную практику семиотической реконструкции использовали представители современной коммуникативной философии; так, К.-О. Апель продемонстрировал сущность и характер семиотической трансформации учения Канта, осуществленной Пирсом [см.: 1]. В дискурсивном опыте коммуникативизма содержится ответ на вопрос: какими путями осуществилась постнеклассическая (трансцендентально-прагматическая) рецепция антропологии Пирса, сказавшаяся, в конечном счете, на семиотических преобразованиях, происшедших в постмодерной метафизике.

Потенциально плодотворным может оказаться структуралистский метод разрешения бинарных оппозиций бытия и мышления как сущностных воплощений языка. Дело в том, что порядок семиотических и концептуальных корреляций, опосредствующих системное взаимодействие метафизики и антропологии в смысловом составе философии Ч. С. Пирса задается главным образом посредством инструментальной процедуры замещения в знаковой бинарной оппозиции семантики и трансцендентальной прагматики.

Решая конкретные исследовательские задачи, есть резон опереться на корпус методологических достижений, наработанных отечественным и российским историко-философским вестерноведени-

ем советского периода. Прежде всего, хотелось бы отметить значительный вклад в концептуальную реконструкцию знаковых актуализаций западной метафизической и философско-антропологической мысли, внесенный учеными МГУ (кафедра истории зарубежной философии) в период доктринального господства в гуманитарной сфере догматически трактуемого марксизма. Формально отдавая дань постулатам официальной идеологии, российские философы (А. Богомолов, А. Зотов, Ю. Мельвиль и др.) предприняли попытку дескриптивного анализа западной, преимущественно – англо-американской философии рубежа XIX – XX вв., уделив значительное внимание прагматизму, в том числе и его персонифицированной, пирсовой версии. В результате глубокого, всестороннего изучения прагматизма авторы пришли к выводу: из множества течений западной философии прагматизм — одно из тех, которые в наибольшей степени связаны с проблемой человека. Несмотря на то, что труды московских исследователей создавались в относительно отдаленное время (60-80-е годы прошлого столетия), их работы сохраняют не только «чисто» библиографическое, но и концептуально-теоретическое значение, прежде всего в той области историко-философского познания, где реализуется ретроспективный поиск и содержательно-рецептивное воспроизводство в отношении «ставших», осуществившихся философских учений, направлений, движений.

Особое внимание следует обратить на возможность конструктивного решения задач интерпретативной направленности в границах философии, генезисно восходящей к истокам преодоления когнитивизма и логицизма. Такая возможность была реализована украинскими философами в 60 – 80 годах, то есть именно тогда, когда предпринималась упомянутая попытка российских авторов. Речь идет о концептуальных разработках в рамках проблематики так называемых «мировоззренческих аспектов законов и категорий материалистической диалектики», которая составляла весомую долю в корпусе тогдашних философских исследований.

На основе этих разработок в Украине сложилась подлинная философская школа, которая отличалась принципиальным антропологизмом. Образование такой школы имело далеко идущие последствия, сохраняющие свою методологическую значимость и в настоящее время. Как отмечал выдающийся отечественный ученый В. Г. Табачковский, мировоззренческо-антропологическая переориентация тогдашней украинской философии, благодаря своим реальным, а еще больше – потенциальным возможностям, способствовала «размыванию» тоталитарного миропонимания, что насаждалось государственной идеологией [10, с. 38].

Этот «антропологический поворот» В. Г. Табачковский оценивал как переход философии от гносеологической «заинтересованности» в мире к переживанию и пониманию мира прежде всего в его значимости для человеческой личности. Но при этом сама философия толкуется как мировоззренческое знание, направленное на целостность бытия [10, с. 38].

Экзистенциальное напряжение, которое возникает в «переживательном» мироотношении, делает философию тем, чем она и должна быть, а именно – метафизикой, ведь именно в этом отношении мир предстает перед человеком в проективной целеустремленности от сущего к должному, рефлексивная установка метафизического сознания открывает в предмете такие семиотико-топологические (знаково-смысловые) константы, как необходимость, целесообразность, сущность, жизненность (экзистенциальная витальность), целостность².

Этот метафизический предмет и оказался в центре внимания украинской школы «мировоззренческих аспектов диалектики». Отличительной чертой его рассмотрения стало то, что в качестве его субстанциальной основы усматривалась человеческая деятельность; последняя трактовалась как универсальная интегративная форма бытия человека в мире; благодаря ей философия осуществляла антропологически заданный синтез онтологических и гносеологических измерений мироотношения. Деятельность, писал В. П. Иванов, «абсолютным образом заключает в себе действительное содержание человека и человеческое содержание действительности» [3, с. 63]. Ту же самую мысль, только по-иному, утверждал Н. Ф. Тарасенко, когда указывал, что деятельность как субстанция действительности «определяет форму бытия объекта и вместе с тем способ его данности человеку» [6, с. 141].

С методологической точки зрения крайне важно, что в концептуальном плане деятельность трактуется как фундаментальная (по отношению к принципиально артикулированному характеру философского мировоззрения, а именно: антропологически ориентированному мировоззрению) категория, на основе которой открывается возможность универсального видения мира. В этой универсальности проективно отображается метафизическое решение философской проблемы отношения «человек – мир»; необходимо только постоянно иметь в виду, что метафизическая (трансцендентально-антропологическая) рефлексия «схватывает» указанное отношение в его изначальной амбивалентности, что для такой рефлексии традиционные «онтология» и «гносеология» являются лишь подчиненными, хотя и взаимно связанными частными сферами знания. Отсюда и вытекает методологическая ценность трансцендентально-антропологического философского мироот-

ношения: в его границах преодолеваются односторонности как эпистемологизма (который в своем логическом пределе сводит реальность к знанию), так и натуралистического объективизма (этот тоже не различает знание и его предмет, воображая, что можно воспринимать предмет «таким, каким он есть сам по себе»).

Деятельностно-антропологический подход к анализу прагматизма дает возможность глубже, полнее, всестороннее раскрыть прагматическое представление о человеке как деятельном существе.

Что касается современной отечественной философии, то в ее методологическом арсенале также наличествует комплекс теоретических установок и принципов, могущих послужить основой для построения «будущих», «возможных» антропологий. В данном плане следует, прежде всего, указать на концептуальные наработки Украинского феноменологического общества (А. Бога-чев, А. Ермоленко, В. Кебуладзе, А. Лой, С. Пролеев и др.); украинские философы располагают современными средствами феноменологической дескрипции, процедурная (инструментальная) ценность которой заключается в дискурсивных возможностях устанавливать надежную смысловую корреляцию в семантико-прагматических сопряжениях интенционального поля [об этом см.: 4]. Использование названной дескриптивной методики может способствовать более последовательному, логически выверенному, достоверному в очевидности результатов, эксплицированию метафизического и антропологического содержания из когнитивных и эмпирических составляющих философии Пирса.

В последнее десятилетие прошедшего – начале наступившего столетия украинскими учеными в научный обиход активно внедряется концепт неевклидовой рефлексивности. Терминологически и доктринально авторство концепции принадлежит В. Г. Табачковскому [см., в частности: 9]; он же разработал систему и порядок ее методологического применения; в теоретическое обеспечение исследовательских потребностей методологию неевклидовой рефлексивности внесен Г. Аляевым, В. Бычко, В. Ляхом, В. О कोरोковым, С. Шевцовым и др. Представлю некоторые фундаментальные параметры такой рефлексивности: разомкнутость, развернутость ее смыслового горизонта, открытого в интерпретативную бесконечность; символизм мировидения; дискретность (нелинейность, многовекторность) интенциональных ориентаций мышления; полисемантизм дискурса; смысловой полиморфизм [см.: 7, с. 74].

По моему мнению, указанная методология наиболее эффективна в отношении исследования содержательно гетерогенных, полисемантичных культурных феноменов [см.: 7, с. 71] (к каковым, вне всякого сомнения, относится и философия Пирса). Примером может служить семиотически

многозначное содержание учения Ф. Ницше: это учение, «размещенное» в смысловом поле «неевклидовой» рефлексии, наиболее перспективно осваивать средствами «трансконтекстуального» интеркультурного дискурса, который, во-первых, аутентичен доминирующей модальности нынешних рецептивных приоритетов³, а во-вторых, успешно корреспондирует с имманентной семиотикой ницшеанства «как такового» – ведь его отличает практически нехватный спектр несоотносимых, по «нормам» common sense, знаковых смылосочетаний [см.: 7; 9].

Философия Пирса в не меньшей степени семиотически многозначна; в ее состав входят эмпирические, когнитивно-эпистемные, спекулятивные, трансценденталистские, религиозно-философские и т. п. имплицативные компоненты. Решая задачу историко-философской реконструкции философско-антропологических воззрений Пирса в их коррелятивном сопряжении со специфическими особенностями метафизики прагматизма в целом и метафизики самого Пирса в частности, целесообразно использовать методологические возможности, содержащиеся в теории неевклидовой рефлексивности [8].

В перечне методологических оснований, которые представлены в предложенном очерке креативных потенциалов антропологии Пирса, особо следует отметить «Программу исследования соотношения философии и истории философии как реализацию проекта создания теоретической философии, метафизики конца XX в.», разработанную известным украинским историком философии и метафизиком-теоретиком Г. А. Заиченко. Возможный успех такой попытки философ связывал с решением фундаментальной задачи: обоснованием аутентичного, генетически содержащего проективность мировидения в бинарных (антиномичных) смылосочетаниях языка [2, с. 184-190].

«Философ-теоретик, то есть настоящий метафизик, – был убежден Г. А. Заиченко, – обретает чувство надежности той почвы, на которой он стоит, в результате сознательного и обоснованного выбора новой системы категорий и новых идей, реализованных в системе категорий» [2, с. 190]. Возможность аутентичного выбора он связывал с обоснованием «языка философии», способного осуществить всеохватно-многомерный, включающий противоречиво-амбивалентные, гетерогенно сущие смысловые сопряжения, мировоззренческий синтез. Философ настаивал: и монистический, метафизический синтез, и философский плюрализм – как в прошлом, так и в современной философии – «комплементарные составляющие единого, закономерного процесса философского познания и постижения мира» [2, с. 181]. Условия универсального синтеза, по мнению Г. А. Заиченко, ук-

ренены в самой «природе» философии, а именно – в ее изначальной антиномичности. Он писал: «Философия антиномична. Антиномичность философии проявляется в соотношениях основных ее измерений и их генезисных истоков. Это антиномии теории познания и многообразия реальных познавательных форм; теоретического мировоззрения и тех, во многом конкурирующих, а подчас и противостоящих друг другу, форм мировоззрения, которые складываются и под влиянием отдельных наук, религиозных учений и под влиянием различных (в том числе исторических) типов обыденного знания; философской онтологии и многообразия форм реального бытия природы и человека; философской методологии и конкретных методов познавательной и практической деятельности людей» [2, с. 186].

Учет методологического потенциала, содержащегося в концепции Г. А. Заиченко⁴, позволит исследователям расширить репрезентативное поле прагматизма Пирса в его гетерогенной, «полифонично-стереолексичной» многомерности, а также в большей степени доказательно раскрыть антиредукционистскую и антисубстанциалистскую направленность пирсовской метафизики.

Выводы. Специфика обнаружения и истолкования метафизической и антропологической компонент прагматизма требует применения методологии, позволяющей реконструировать полисемантические и символические предметно-содержательные мыслительные артефакты. В ходе решения задачи историко-философской реконструкции антропологических воззрений Ч. С. Пирса в их коррелятивном сопряжении со специфическими особенностями пирсовской метафизики, при прочих условиях важную роль играют фундаментальные принципы историко-философского познания, разработанные в классической традиции.

Методология неклассической философии XX века способствует определению порядка семиотических и концептуальных корреляций, опосредствующих системное взаимодействие метафизики и антропологии в смысловом составе философии Ч. С. Пирса.

Учет современных методологических достижений в отечественной философии открывает возможность для более последовательного, логически выверенного, достоверного в очевидности результатов, эксплицирования метафизического и антропологического содержания из когнитивных и эмпирических составляющих философии Пирса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Прагматизм Ч. С. Пирса, выступающий опосредствующим звеном в ходе эволюционных трансформаций западной философии на пути от классики «через» неоклассику к постклассике, как раз и является примером такой метаморфозации.
2. Метафизическая мысль, указывал М. Хайдеггер, направлена на целое и захватывает экзистенцию.
3. Имеется в виду стремление современных философов осваивать исследуемую предметность в плюралистическом, «мультиверсумном» смысловом пространстве.
4. Хорошо известно, что свою Программу Георгий Антонович намеревался разрабатывать, изначально исходя из условий построения комплементарного компендиума конститутивных возможностей философского универсализма; при этом он полагал, что наиболее широкие горизонты этих возможностей открываются именно в семиотическом проекте Пирса. К сожалению, днепрпетровский ученый не успел приступить к реализации своего замысла. – Разделяя в целом идею Г. А. Заиченко, хочу сказать вот о чем: действительно, только трансцендентально-антропологический подход содержит реальную перспективу (возможного в будущем) мировоззренческого универсализма, хотя само решение – чрезвычайно сложно, если вообще возможно. Впрочем, оно осуществимо (в относительных, конечно, пределах) при условии рефлексивного освоения и предметной (воплощенной в дискурсивную практику) актуализации фундаментальной универсалистской идеи XX века о космогенетичности языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Апель К.–О. От Канта к Пирсу: семиотическая трансформация трансцендентальной логики // Трансформация философии. Москва: Логос, 2001. – С. 171–192.
2. Заиченко Г. А. История западной философии. Классика против постмо-дернизма. Днепр: Наука и образование, 2000. – С. 181–190.
3. Иванов В. П. Человеческая деятельность – познание – искусство. – Київ: Наукова думка, 1977. – С. 63.
4. Кебуладзе В. Феноменология. – Київ: «ППС-2002», 2005. – 120 с.
5. Кимелев Ю. А. Современные зарубежные исследования по истории фи-лософской метафизики. – Москва: ИНИОН РАН, 1996. – 48 с.
6. Практика – познание – мировоззрение. – Київ: Наукова думка, 1980. – С. 141.
7. Пронякин В. Зияющий дискурс, или интерпретативный беспредел. Ницше в рецептивном поле постмодерна // Філософсько-антропологічні студії '2005. Філософія Ф. Ніцше і сучасність (До 160-річчя від дня народження). – Київ, Stylos, 2005. – С. 70–96.
8. Пронякин В. И. К оценке интерпретативных перспектив нелинейных дис-курсов // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Філософія. Соціологія. Політологія». – № 1 (23). – Дніпропетровськ, 2015. – С. 11–16.
9. Табачковський В. Фр. Ніцше: «Неевклідова рефлексивність» // Філософсько-антропологічні студії '2005. Філософія Ф. Ніцше і сучасність (До 160-річчя від дня народження). – Київ, Stylos, 2005. – С. 3–16.
10. Табачковський В. Г. Ще раз про долю творчої спадщини вітчизняних філософів-шістдесятників // Розбудова держави. – Київ, 1996. – № 3. – С. 37–40.
11. Honnefelder L. Der zweite Anfang der Metaphysik: Voraussetzungen, Ansätze und Folgen der Wiederbegründung der Metaphysik im 13/14 Jahrhundert // Philosophie im Mittelalter: Entwicklungslinien und Paradigmen. – Hamburg, 1987. – S. 165–166.
12. Krampf W. Die Metaphysik und ihre Gegner. – Miesenheim am Glan, 1973. – 161 S.
13. Peirce Ch. S. Collected Papers. Vol. 1-6. / Ed. by Ch. Hartshorne and P. Weiss. Cambridge, 1931-1935; Peirce Ch. S. Collected Papers. Vol. 1-8. / Edited by Charles Hartshorne, Paul Weiss, and Arthur Burks. – Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1931-1958; Peirce Ch. S. Collected papers. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1960; Peirce Ch. S. Col-lected Papers. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1965.

REFERENCES

1. Apel, K. O., 2001. Ot Kanta k Pirsu: semioticheskaja transformacija transcen-dental'noj logiki [From Kant to Pierce: The semiotic transformation of transcendental logic]. Moscow, Logos, 171–192 (in Russian)
2. Zaichenko, G. A., 2000. Istorija zapadnoj filosofii. Klassika protiv postmo-dernizma [A history of western philosophy. Classics against postmodernism]. Dnipro, Nauka i obrazovanie, 184–190 (in Russian)
3. Ivanov, V. P., 1977. Chelovecheskaja dejatel'nost' – poznanie – iskusstvo [Human activity – cognition – art]. Kiev, Naukova dumka, 63 (in Russian)
4. Kebuladze, V., 2005. Fenomenologiya [Phenomenology]. Kiev, «PPS-2002», 120 (in Ukrainian)
5. Kimelev, Ju. A., 1996. Sovremennye zarubezhnye issledovanija po istorii fi-losofskoj metafiziki [Modern foreign research on the history of philosophical meta-physics]. Moscow, INION RAN, 48 (in Russian)
6. Praktika – poznanie – mirovozzrenie, 1980. [Practice – cognition – worldview]. Kiev, Naukova dumka, 141 (in Russian)
7. Pronyakin, V., 2005. Zijajushij diskurs, ili interpretativnyj bespredel. Nie-tzsche v receptivnom pole postmoderna [Yawning discourse, or interpretive lawless-ness. Nietzsche in the receptive field of postmodernism]. Filososf'ko-antropologichni studiyi '2005. Filosofiya F. Nietzsche i suchasnist' (Do 160-richchya vid dnya narodzhennya). Kiev, Stylos, 70–96 (in Russian)
8. Pronyakin, V. I., 2015. K ocnke interpretativnyh perspektiv nelinejnyh diskursov [To the evaluation of the interpretative perspectives of nonlinear discours-es]. Visnyk Dnipropetrovs'kogo univrsy'tetu. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Politologiya» 1 (23). Dnipro, 11–16 (in Russian)
9. Tabachkovs'ky'j, V., 2005. Fr. Niczsche: «Neevklidova refleky'vnist'» [F. Nietzsche: «Non-Euclidean reflectivity»]. Filososf'ko-antropologichni studiyi '2005. Filosofiya F. Nietzsche i suchasnist' (Do 160-richchya vid dnya narodzhennya). Kiyv, Stylos, 3–16 (in Ukrainian)
10. Tabachkovs'ky'j, V. G., 1996. Shhe raz pro dolyu tvorchoyi spadshhy'ny' vitchy'znyany'x filosofiv-shistdesyatny'kiv [Once again about the fate of the creative heritage of native philosophers of the sixties]. Rozbudova derzhavy` 3. Kiyv, 37–40 (in Ukrainian)

11. Honnefelder, L., 1987. Der zweite Anfang der Metaphysik. Voraussetzungen, Ansätze und Folgen der Wiederbegründung der Metaphysik im 13./14. Jahrhundert. [The second beginning of metaphysics. Prerequisites, Approaches and Consequences of Metaphysics Reconstruction in the 13./14. Century]. Philosophie im Mittelalter: Entwicklungslinien und Paradigmen. Hamburg, 165–166 (in German)
12. Krampf, W., 1973. Die Metaphysik und ihre Gegner [Metaphysics and its opponents]. Miesenheim am Glan, 161 (in German)
13. Peirce Ch. S., 1965. Collected Papers. Vol. 1-6. Ed. by Ch. Hartshorne and P. Weiss. Cambridge, 1931-1935. Peirce Ch. S. Collected Papers. Vol. 1-8. Edited by Charles Hartshorne, Paul Weiss, and Arthur Burks. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1931-1958. Peirce Ch. S. Collected papers. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1960. Peirce Ch. S. Collected Papers. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1965 (in English)

Пронякин Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара
Адрес: 49010, Днепр, пр. Гагарина, 72
E-mail: vladimir-pronyakin@rambler.ru

Pronyakin Vladimir I. – doctor of philosophical sciences, Full Prof.
Oles Gonchar Dnipro National University
Address: 72, Gagarin Av., 49010, Dnipro, Ukraine
E-mail: vladimir-pronyakin@rambler.ru